

84(3)
H66

Ульф
Нильсон

Последнее дело?

иллюстрации
Гитты Сне

Последнее дело?

Ульф Нильсон
иллюстрации Гитты Сне

Перевод со шведского Марии Людковской

Москва

Самокат

Украдены важные банки с кексами!

Комиссар Гордон очнулся в холодном поту. Ему приснился кошмар. Всё ещё сонный, он с трудом открыл глаза.

— Уфф-уфф-уфф, — прокряхтел он и сел.

За окном раздавалась весёлая песня и мерный стук топора. Жаби, помощник комиссара, колола дрова.

Сейчас только съем маленький утренний кексик, подумал Гордон, и сразу проснись.

Комиссар тяжело поднялся и пересёк просторную комнату, где находилось отделение полиции. Вяло пошарил на полке. Но что это? Три важные банки исчезли. Полка была пуста.

Комиссар потёр глаза. Однако это не помогло — на полке так ничего и не появилось!

Гордон обыскал всю комнату. Ничего. Обыскал тюрьму, служившую им спальней. Ничего.

И вдруг он увидел в зеркале своё отражение. Неужели это он? А ведь ещё не так давно он был молодым и статным полицейским. Какое неприятное зрелище. Он стал похож на комок мягкой глины. Пузо раздалось во все стороны и нависало над поясом складками. Из пижамы торчали тощие ножки с большими плоскими и неопрятными ступнями. Уголки широкого рта безвольно обвисли.

— Когда-нибудь я отверну это зеркало к стене. Жабам ни к чему видеть своё отражение, — проворчал он.

Правда, его помощница просто обожала это зеркало. Она часами могла вертеться перед ним и строить смешные мордочки. Иногда она примеряла полицейскую фуражку и напускала на себя по-настоящему грозный вид.

— Ладно, но когда-нибудь я всё равно отверну его к стене!

Вдруг комиссар вспомнил про сон, который только что видел. Во сне кто-то хотел утащить все его банки. А что, если это не сон? Что, если на отделение полиции напали бандиты?

— Жаби! — позвал комиссар. — Сюда! Украдены важные банки!

Стук топора немедленно прекратился. Песня смолкла. По полу просеменили быстрые лёгкие ножки — и вот перед ним стоит Жаби и отдаёт честь. Эту смышлёную мышь он нанял себе в помощники зимой. Энергичный, умный, покладистый и совсем ещё юный полицейский, чемпион мира по проникновению в дупла и узкие норы. Какая удача — ведь сам комиссар ни в дупла, ни в норы лазить не умел.

— Доброе утро, шеф.

— Дело нешуточное, — сказал Гордон. — Какой-то негодяй украл банки с кексами!

Комиссару показалось, будто Жаби как-то ехидно улыбается.

Она выбежала во двор, а комиссар так и остался стоять посреди комнаты. Через минуту дверь снова распахнулась. Внутрь хлынули солнечный свет,

птичьих трели и аромат цветов. На пороге стояла Жаби. Она пропела небольшую торжественную мелодию, сделала несколько танцевальных па и, покачиваясь, внесла в дом три большие банки.

— Моя дорогая помощница, ты раскрыла дело! — Комиссар наконец взбодрился и повеселел. — Но кто же преступник? — спросил он и тут же припомнил новые подробности своего сна. Он жевал кексы и съел штук двадцать, не меньше. Из угла за ним наблюдала какая-то чёрно-белая фигура. И смеялась над его толстым пузом. И дразнила за то, как жадно он уминает кексы. Во сне этот чёрно-белый незнакомец пытался украсть его банки. Но комиссар его перехитрил...

— Ну и кто же вор? — повторил свой вопрос комиссар.

— Ты сам, шеф! — весело сказала Жаби. —

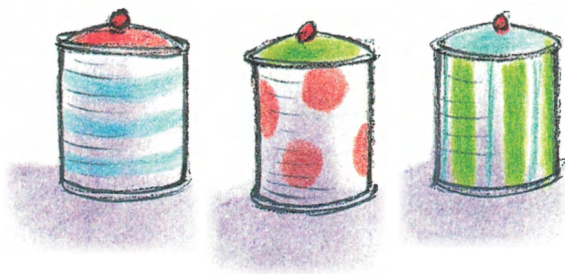
Я проснулась рано утром и увидела, как ты встаёшь. Возможно, ты это делал во сне. Ты взял банки и вышел из дома. А потом вернулся без банок и уснул.

Комиссар вспомнил, что во сне он тоже спрятал банки. Он покашлял и опустил глаза.

— Мне не спалось, — продолжала Жаби, — и я пошла в сарай рубить дрова. И нашла там банки...

— Преступник дразнился и вёл себя крайне неприятно, — с чувством подчеркнул комиссар. — В моём сне, то есть.

Его вдруг посетила страшная мысль: а что, если в банках ничего нет? Будет очень печально, если окажется, что во сне он съел все кексы и даже толком не насладился вкусом! Пустые банки и ещё более толстый живот — вот и всё, с чем он

останется. Комиссар потянулся к одной из банок. К утренней. (Банки у него были разные: утренняя, обеденная и вечерняя.)

Работа полицейского может длиться день и ночь, поэтому важно различать время суток на вкус. Вдруг утренняя банка окажется пуста?

Но нет — кексы были на месте.

Гордон поставил один на другой два ванильных кекса и запихнул в рот. Какое наслаждение! ■

— Грумф, грумф.

Какой-то я стал прожорливый последнее время, подумал он.

Жаби копалась в сундуке с костюмами, который стоял под кроватью. Отыскав в нём золотую корону, она надела её и принялась плясать по комнате и распевать: «Я раскрыла это дело, я раскрыла-была дело». И всё время поглядывала на себя в зеркало.

— Знаешь, раньше я прямо-таки зашивался на работе, — сказал Гордон. — Но с тех пор, как зимой я взял тебя в помощники, работать стало легче, и обстановка в отделении сейчас куда приятнее.

Мышь прошлась на цыпочках, и комиссар заплодировал.

— Съем-ка я ещё один кекс, — сказал Гордон. — Двойной. М-м-м, грумф-грумф. Ну вот, теперь я доволен...

Вдруг Жаби замерла, подняв лапку, и серьёзно посмотрела на шефа:

— А вот в лесу у нас не все довольны. Вид у животных печальный. Это странно. Они грустят.

— Правда? — удивился комиссар.

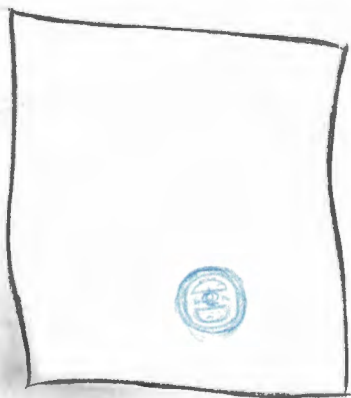
Мышь кивнула. Она заглянула в пустую банку. От утренних кексов остался только запах. У Жаби был отменный нюх, и она обожала ваниль, пахнущую ветром, цветами и высокими далёкими горами.

Комиссар Гордон доковылял до стола и взял чистый лист. Полицейские не должны сидеть сложа руки!

Он ещё не придумал, что написать в рапорте. Пока что. Поэтому просто достал из ящика старую и очень важную печать. Поднёс её к бумаге. Чуть подвинул вправо. Потом чуть влево. Ага, вот так идеально.

Ка-данк, — пропела печать.

На бумаге появился красивый, гордый штамп. Новое расследование началось.

Кто дразнится?

— Во-первых, важно помнить, что полицейские должны всё тщательно расследовать, — сказал комиссар Гордон.

После того как он ставил печать, его голос всегда звучал немного торжественно.

— Надо устроить слежку! — сказала Жаби и отдала честь. — Есть, шеф!

Она тоже в таких случаях всегда говорила немного торжественно.

— Может, переоденемся? — радостно добавила она. — Замаскируемся? Я притворюсь маленькой бойкой актрисой и танцовщицей. А ты — древней хромой старушкой с клюкой...

Комиссар немного расстроился.

— Хммф, — фыркнул он. — Во-вторых, полицейские должны всегда вести себя *корректно*, не роняя собственного *достоинства*.

Коллеги надели форменные фуражки. Гордон — фуражку комиссара, большую и круглую, с блестящим козырьком и большой золотой бляшкой, на которой были изображены королевская корона и два дерева. Жаби — маленькую матросскую шапочку с крошечным золотым значком.

И отправились изучать обстоятельства дела.

Был чудесный июньский день. Гордон шёл первым. Он держал руки за спиной — полицейские всегда так делают. Потом остановился, широко расставив ноги и немного приподнявшись на цыпочках. Так тоже принято у полицейских.

Жаби шла следом. Как и Гордон, она сложила лапки за спиной и встала на цыпочки. Ей очень хотелось поскорее стать настоящим полицейским.

Сперва они увидели мышь, которая копала глубокую нору.

— Ну и как у нас тут дела? — спросил Гордон, как обычно спрашивают полицейские.

— Ну и как у нас тут дела? — спросила Жаби.

Мышь перестала копать и стёрла пот со лба.

— Я рою глубокую нору. Приходится быть осторожной...

Опасливо оглядевшись, мышь спрыгнула в нору и продолжила рыть.

— А что, нынче звери в лесу добрые? — спросил Гордон, достав блокнот и ручку.

— Ха-ха-ха! — ответила мышь из-под земли, и по норе прокатилось призрачное эхо.

Гордон не стал записывать её ответ.

Полицейские пошли дальше через лес — на юг, в сторону озера. В этих краях они бывали не часто. По дороге им повстречался кролик, который только что нашёл морковку. Вид у него был слегка напуганный и печальный. Не пожелав разговаривать, кролик ускакал.

— Ты права, моя милая Жаби, — сказал Гордон. — Что-то тут не так. Придётся нам продолжить расследование. Третье важное правило: полицейские не выполняют всю работу в одиночку. Они делят обязанности. Один лезет на дерево. Другой прыгает в воду...

— Я не очень-то хорошо плаваю, — призналась Жаби.

— А я — хорошо! — довольно сказал Гордон.

— Да что ты! Как здорово! Я и не думала, что ты умеешь плавать.

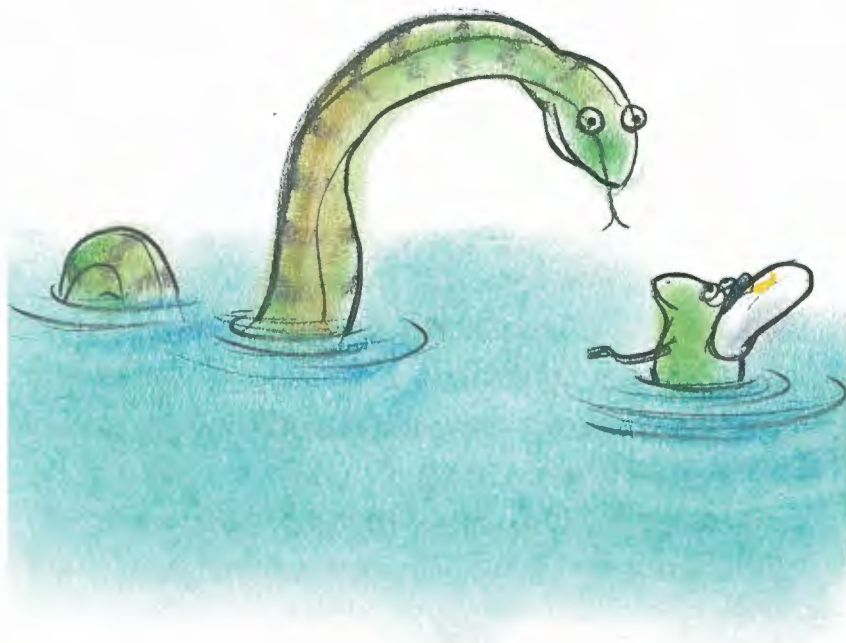
— Вообще-то я жаба! Хммф.

Комиссар снял всю одежду, кроме фуражки. Потом вошёл в воду и поплыл — спокойно, с чувством собственного достоинства.

Жаби наблюдала, как комиссар удаляется от берега. Он был похож на тяжёлый мячик. Настоящий полицейский, подумала Жаби и быстро вскарабкалась на ближайший дуб.

Сперва Гордон подплыл к лесным ящерицам, загоравшим на островке, — добродушным, но молчаливым родственникам жаб.

Потом он догнал утку с семью пушистыми утятами. Но утки только бестолково кричали и перебивали друг друга. Гордон избороздил всё

озеро и наконец повстречал ужа, который искал, чем бы позавтракать.

Гордон не особо любил ужей. Один его немолодой родственник пропал без вести в желудке старого ужа. Это тощие, склизкие создания с огромной пастью, неприятным языком и ледяными глазами. Гордон был рад, что не снял полицейскую фуражку.

— Всё путём? — спросил он.

— Вообщщще-то нет, — прошипел уж. —
Печально, шшшшто они драсссяттся.

— Да, это недопустимо, — согласился Гордон. —
А как они дразнятся?

— Они говорят, шшшшто ужжи тощщщие и ссс-
клизские...

— Хм, — сказал Гордон, слегка покраснев. —
Возмутительно. Но кто...

— До вссстречи! — коротко ответил уж и ускользнул.
Гордон призадумался.

Настроение в лесу и на озере действительно
было так себе. В его полицейском округе! Этого
Гордон не мог допустить.

Но кто же говорит такие неприятные и обид-
ные вещи? Кто?

Жаби тем временем забралась на самую вер-
хушку дуба. По дороге ей не встретился никто,
кого можно было бы допросить.

Однако наверху, на сухой ветке, понутив голову,
сидела взъерошенная птица. Это была ворона.

— Кааар, — печально огласила она мир своим
криком.

— Ну и как у нас тут дела? — отдав честь, спро-
сила Жаби.

Ворона окинула её мрачным взглядом. Вороньи лапы были грубые и узловатые, а клюв — большой и острый.

Жаби стало не по себе. Честно говоря, она даже немного испугалась, хотя и была полицейским. Она ещё раз отдала честь — главным образом для того, чтобы указать вороне на полицейскую шапочку. Съесть полицейского — наверняка серьёзное преступление, рассуждала Жаби.

Но вдруг ни с того ни с сего ворона заплакала.

Никогда ещё Жаби не видела, чтобы вороны плакали. Она хрипло всхлипывала и сипло покашливала. Крупные слёзы катились по блестящему клюву.

— Ну-ну, — сказала Жаби и осторожно погладила её по голове. — Не бойся, полиция не даст тебя в обиду, мы всё уладим!

С клюва сорвалась большая капля, и Жаби отпрыгнула, чтобы не промокнуть насквозь.

Как утешить ворону? Может, с ней надо говорить, как с маленьким ребёнком?

— Ню-ню, моя малисечка, не плачь, не плачь, всё будет халясё, — сказала Жаби.

Ворона положила свою тяжёлую голову на худенькое Жабино плечико. От неё слабо пахло грязью, проливным дождём и прелыми листьями.

— Разве я серая и ободранная? — жалобно спросила ворона. — Разве мои птенцы страшные как чучела?..

— Кто же это такое сказал? — воскликнула Жаби. — Ты не только серая, но ещё и чёрная, и стильная, и крылья у тебя вон какие громадные.

Жаби было немного не по себе оттого, что ей приходится говорить такие вещи.

— Кто тебя обзывает? — спросила она.

Ворона перестала плакать и, не говоря ни слова, слетела с ветки. Жаби осталась ни с чем.

Когда Гордон и Жаби встретились на лугу, комиссар едва дышал от усталости. Он показал коллеге свой блокнот. В нём было записано одно-единственное слово:

КТО?

Жаби показала свой блокнотик. В нём было несколько росчерков тут и там.

В этот миг над лугом пролетела большая чёрно-белая птица.

Чёрно-белая, подумал Гордон. Не снилось ли мне что-то чёрно-белое?

Последнее дело?

Они поспешили в отделение. Первой бежала Жаби — весело и вприпрыжку. Она пела песню о том, как хорошо она умеет «расследовать, да-да, рассле-расследовать!». Следом ковылял Гордон. После заплыва у него ломило всё тело и кружилась голова.

Добравшись до отделения, комиссар Гордон сел за стол и посмотрел на белый лист с печатью.

— Во-первых, полицейские должны всё хорошенько изучить, — повторил он.

И записал:

1. Всё изучить!

— Всё изучи-ить! — пропела Жаби.

2. Не роняя собственного достоинства!

Это был следующий пункт, и песня Жаби смолкла. Она отдала честь.

3. Поделить обязанности!

— Мы разделимся на группы, — объяснил Гордон.

— Я буду маленькой группой? — спросила Жаби.

Гордон рассеянно кивнул.

— Затем идёт самый важный и самый страшный пункт, — сказал он. — Когда я повстречал ужа, я знал, что он может меня съесть. Но это меня не остановило. Я мужественно допросил опасного хищника. Я был готов ко всему, даже к тому, что меня съедят. Полицейский не должен останавливаться ни перед чем. Когда-нибудь я, быть может, расскажу тебе о своей жуткой встрече с лисом...

Гордон записал:

4. Будь готов к тому, что тебя съедят!

— Ух, — отозвалась Жаби. — Пока что я ещё не такая смелая. Я очень боялась вороны, и, если бы она напала на меня, я бы убежала и спряталась в мышиную норку...

Гордон строго посмотрел на Жаби.

— А потом вызвала бы подкрепление, — добавила Жаби.

Гордон кивнул. Какая смышлёная у него помощница. Однажды он сделает из неё комиссара. Надо только найти фуражку побольше. И чтобы бляшка была не одна, а несколько. Возможно, где-нибудь в шкафу у него завалилась старая фуражка...

— Возьми этот листок и прочитай!

Жаби взяла бумажку. Она долго вертела и крутила её в лапках. Щурясь, приглядывалась к словам. Потом подошла к окну, чтобы получше разглядеть.

— Хмм, — сказала она.

— Что, какие-то трудности? — спросил Гордон.

— Да так, ерунда.

Они пили чай и ели обеденные кексы из банки в розовый горошек. Ананасовые. Жаби съела один

кекс. Гордон — четыре. Двойных. И банка в горошек тоже опустела.

Хмм, подумал Гордон. Надо бы мне поменьше есть.

— Теперь подведём итоги! — сказал он и растянулся на кровати. Лучше всего ему думалось лёжа.

Жаби легла на свою постель, которая стояла рядом.

Гордон прокашлялся.

— Если нас съедят, это будет наше последнее дело! — опередила его Жаби. — А это немного печально...

Коллеги задумались. Отогнав от себя эту грустную мысль, Гордон снова прочистил горло.

— Итак, обстановка в лесу неприятная, — продолжил он. — Многие животные расстроены. Разумеется, расстраиваться никому не запрещается, но я не хочу, чтобы в моём полицейском округе кто-то грустил. Какой-то негодяй шастает по лесу и дразнится. А дразниться уж точно запрещено! Это надо немедленно пресечь...

У Жаби возник вопрос:

— А как понять, что запрещено, а что нет?

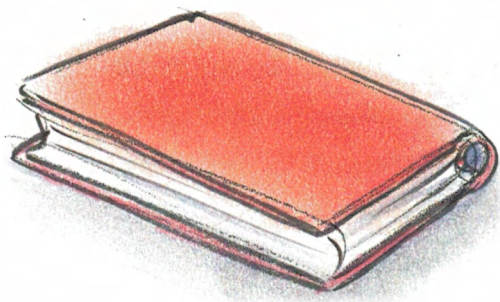
Гордон с трудом поднялся и прошёл в другую комнату, где располагалось отделение полиции. Там он взял книгу. Самую толстую книгу в участке. Он приволок её к столику возле кровати и взвалил на него. Столик затрещал под её тяжестью.

— Об этом написано в Книге законов! — сказал Гордон. — Где-то в середине. Прочти сама.

Жаби потрогала книгу пальцем и перелистнула страницу или две. На каждой странице были тысячи крошечных загогулек. И страниц в книге было не меньше тысячи.

Жаби вздохнула.

— Книжку я и потом могу прочесть, — сказала

она. — Но что теперь должны делать разные полицейские группы?

Гордон кивнул.

— Одна группа будет лежать в кровати и думать! — сказал он. — Этой группе надо немного поразмыслить о Книге законов...

— А мне что делать? — спросила Жаби.

— Вторая группа должна продолжать расследование. Иди в лес, слушай и наблюдай...

Жаби хотела спросить комиссара про разные смешные костюмы и шляпы из сундука, но Гордон поднял указательный палец:

— Полицейская группа должна быть одета в обычную одежду, обычно выглядеть и ходить обычной походкой...

Жаби немного походила перед зеркалом. Она строила разные мины и старалась выглядеть как можно обычнее.

— А сейчас я обычно выгляжу?

— Даже слишком. — Гордон ходил за Жаби по пятам и наблюдал. — Всё, теперь отправляйся на расследование!

Но, прежде чем уйти, Жаби что-то шепнула Гордону. Она хотела взять с собой две секретные вещи.

— Отлично! — сказал Гордон. — Ты умный полицейский!

И Жаби радостно поспешила в путь. Гордон смотрел на неё в окно. Жаби насвистывала и самым невинным образом поглядывала на небо.

Гордон снова лёг, хорошенько взбил подушку и расслабился. Вообще-то он тоже собирался поработать. Только вот история с лисом никак не шла у него из головы. Это случилось примерно год назад.

Был в округе комиссара один лис, который стал совершать скверные преступления. Пропадали мыши. Пропадали полёвки. А однажды комиссар обнаружил целую кучу перьев. Это были перья рябчика. Его, без сомнения, съели!

После долгого расследования комиссару удалось найти лиса. Тот спал под кустом, выпятив круглый, набитый живот. Из пасти торчало перо.

Комиссар подкрался ближе, чтобы разглядеть получше. Перо, без сомнений, принадлежало бедняге рябчику. Преступление было доказано!

Комиссар стоял рядом и важно кашлял, пока лис не проснулся. А потом строго-настрого велел ему убираться из лесу!

Гордон бесстрашно смотрел на злодея.

— Ха-ха! — сказал лис. — И как же ты, коротышка, заставишь меня уйти?

— Заставлю, потому что я — комиссар полиции, — отважно сказал Гордон и надулся так, что стал похож на пушечное ядро.

Он готов был пойти на всё ради своего леса. Вот сколько отваги было в груди маленькой жабы. Комиссар Гордон чувствовал себя героем. Сильным и смелым героем!

Добравшись до этого места в своих воспоминаниях, комиссар задремал.

Секунду спустя полицейское отделение огласил мощный, геройский храп.

Подозреваемый

Обычная походка давалась Жаби с трудом. Как это делается? Как держать ноги — прямо или лучше их немного сгибать? Надо ли при этом невинно поглядывать на небо? Может, наоборот, надо выглядеть *виновато*?

Первыми ей встретились два рябчика, клевавших семена. Допрашивать рябчиков всегда непросто.

— Ну и как у нас тут дела? — спросила Жаби. — Что творится в лесу, никто никого не обижает?

— Дразнятся, надоело... Дождя давно не было... Ой, семечко... Переходят через дорогу два помидора... А сегодня утром перо... Потом она заплакала и... Ой, ещё семечко... Ужас, просто плакала... Как, вы спросили?... Надоело...

Рябчики трещали без умолку. Их ответы были похожи на обрывки ниток. Как будто кто-то взял

и порезал ножницами разноцветные шерстяные клубки. Тут про погоду, тут про еду, тут кусочек анекдота, тут кусочек ответа на вопрос. Однако, как ни странно, сами рябчики отлично понимали друг друга и, где нужно, посмеивались.

Выходит, что и рябчиков кто-то дразнит. Такой вывод смогла сделать Жаби. И они тоже расстроены, во всяком случае, когда сами об этом вспоминают.

Но кто же их дразнит?

Пока что Жаби не могла в этом разобраться. Она отдала честь и пошла дальше своей самой обычной походкой. Интересно, а руками при ходьбе надо размахивать? Сильно или немножко? Жаби забыла.

Стоял тёплый летний день. Порхали бабочки, над цветами жужжали пчёлы. Журчал ручей. Такой чудный день, а животные грустят...

Тут Жаби увидела кролика, который сбежал от них утром. Жаби спряталась за ромашкой.

Подкрадусь незаметно, в траве он меня не увидит, подумала она. Хорошо бы всё-таки с ним поговорить.

Жаби осторожно скользнула к маргаритке, прижалась к стеблю и затаилась. Семь быстрых

скачков — и она уже под одуванчиком. Кролик ничего не заметил. Ха-ха! Последний отрезок Жаби проползла на пузе и выскочила прямо у кролика за спиной.

— Ку-ку! — сказала она.

— Спасите! — закричал кролик и подпрыгнул на месте. — Нет, я не хочу беседовать с полицией. Это всё только испортит.

Жаби села рядом. Она погладила его по мягкой пушистой шубке. Кролик пах шерстью, морковкой и травой.

— Я тебе кое-что принесла, — сказала она. И протянула морковный кексик.

— Мне? Кекс? — Кролик просиял.

— Да, вообще-то это вечерний кекс, — сказала Жаби. — У нас есть утренние кексы, обеденные и вечерние. Полицейским ведь надо как-то следить за временем.

Кролик принялся жевать.

— Большое спасибо, — сказал он, откусив ещё кусочек. — Приятно, что ты обо мне позаботилась. Но, честно говоря, последнее время даже вставать по утрам не хочется. Заранее знаешь, что тебя опять будут дразнить. Я не трус! Но кролики и не должны быть отважными и драться. Кролики должны уметь делать ноги. Почему нам

нельзя оставаться собой? У меня живот сводит, когда я вижу её в воздухе. Вечно она меня дразнит! И шпионит. Да, может, я и совершил один маленький проступочек. А эта злодейка говорит: «Я всем расскажу...»

Кекс кончился. И кролик замолчал.

— Я *не хочу* ничего говорить полиции, — решительно заявил он. — Это всё только испортит!

Надо будет всегда брать на допрос кексы, подумала Жаби.

Она отдала честь и пошла дальше. Значит, подозреваемый — пернатый негодяй, который дразнится. Ещё этот злодей узнал что-то постыдное про кролика и угрожал рассказать всем.

Дело потихоньку прояснялось. Кто же это может быть? Когда они его поймают, тюрьмы ему не миновать...

Или погодите-ка... Жаби задумалась. Когда она поселилась в отделении полиции и стала помощником комиссара, им пришлось перенести спальню. Гордон не любил наказания и тюрьмы. Он решил, что друзья-полицейские будут спать в комнате, которая раньше служила тюрьмой.

Тюрьмы в полиции больше не было. Ну да ладно, они что-нибудь придумают...

Жаби шла дальше своей совершенно обычной походкой. Но как надо шагать, когда идёшь обычно, — медленно и широко? Странно, что это так трудно — изображать что-то обычное.

Жаби пересекла лес, поднялась на пригорок и там повстречала маленького мышонка, который ковырялся в носу. Вся одежда и лапки у него были в земле, а теперь и нос тоже стал чёрный.

— Я тозе описал станиски, — сказал мышонок и втянул соплю.

— Что? — не поняла Жаби.

— Ты тозе описала станиски? — спросил мышонок.

— Нет, я не описалась, — хмыкнула Жаби. — Я просто прохаживаюсь совершенно обычной походкой.

Тьфу, хватит уже думать о походке, подумала Жаби.

— А ты не знаешь, кто тут у нас в лесу дразнится? — спросила Жаби и достала из рюкзака второй морковный кекс.

Мышонок, который весь день копал и трудился, был очень голоден и радостно умял кекс.

— Так кто же? — повторила свой вопрос Жаби.

— Саока.

— Кто?

— Саока!

— Чего?

— Саока!!! Летает. Длинный фоный фост.

Длинный чёрный хвост? Сорока! Ага. Жаби поблагодарила мышонка и двинулась в обратный путь. Начинало темнеть. Целый день на ногах! Жаби шла быстро. Не *обычно*, а просто шла.

Войдя в отделение, Жаби услышала жуткий храп.

Закон переписывают

Комиссар Гордон вздрогнул и проснулся. Сперва он сонно посмотрел на Жаби, потом на часы. Был вечер. Он проспал весь рабочий день.

Пока они жевали вечерние кексы, то есть морковные кексы, которые так полезны, Жаби рассказала, что ей удалось выяснить.

— Значит, сорока, — подытожил комиссар. — Хм, выходит, неспроста мне снилось что-то чёрно-белое...

Он вспомнил свой страшный сон.

— Bravo, — похвалил он Жаби. — Теперь только остаётся поймать её с поличным!

— Что значит «с поличным»? — спросила Жаби.

— Мы подкрадёмся так, чтобы видеть, как она дразнится и говорит гадости. Потом выскочим из укрытия и скажем: «Ага!»

Жаби подошла к зеркалу и попробовала:

— Ага!

И потом ещё раз:

— ААА-ГА!

— Очень хорошо, — сказал Гордон. — Сегодня я довольно много размышлял про Книгу законов, хррмм. Ты же должна знать закон. Тебе придётся прочесть всю Книгу законов...

Жаби покраснела. Потом смущённо облизнулась. Ей надо было кое в чём признаться.

— Я не умею читать, — тихо сказала она. — Хотя печати я ставлю отлично!

— Но буквы-то знаешь?

Жаби помотала головой.

— Что, даже «А» не знаешь? Букву «А», которая похожа на маленькую палатку и произносится так: «аааа»...

Жаби задумалась. Потом снова помотала головой.

Жаби вздохнула. Гордон вздохнул. Если он хочет сделать из неё комиссара полиции, Жаби нужно прочесть Книгу законов.

— Давай почитаем её перед сном, вместо сказки! — предложила Жаби. — А маленькую палатку я выучу завтра.

У неё выдался трудный день — с колкой дров, лазаньем по деревьям и обычной ходьбой. Жаби

вошла в тюрьму, юркнула под одеяло и закрыла глаза.

Гордон сел на край кровати. Книга законов по-прежнему лежала на столике. Он открыл первую страницу. Прочистил горло.

— Книга законов, — прочёл он. — Первый раздел, первый закон, первый параграф, первая статья. ВСЕ ИМЕЮТ ПРАВО...

И тут он услышал слабый храп. Жаби уснула. Она тоненько, изящно всхрюкивала и тихонько выдыхала.

— Какой симпатичный храп, — пробормотал Гордон. — И какая отличная

сказка на ночь. Я только начал, а Жаби уже спит.

Комиссар был бодр как никогда. Он выспался на славу. Сегодня ночью ему ни за что не уснуть. Но ему есть о чём подумать. А ещё он должен приготовить один важный сюрприз...

Комиссар почти догадывался, что Жаби не умеет читать. Ведь ей всего ноль лет, и она никогда не ходила в школу.

А что, если ему изложить всю Книгу законов

вкратце, чтобы немного облегчить дело? Но как?

В Книге законов говорится, что делать запрещено:

Запрещается будить спящего медведя. Запрещается брызгать воду на усталого барсука. Запрещается пугать маленьких детей. Запрещается дразнить кабана и говорить, что у него скрюченный хвостик...

В законе перечислено всё.

Ещё там написано, что делать можно:

Разрешается угощать ежа соком. Разрешается петь и танцевать. Разрешается помогать старому бобру с уборкой и мытьём посуды...

**Разрешается быть добрым,
но запрещается быть злым.**

Вот так можно было бы сокращённо записать все законы. Но это *слишком* просто. Закон должен быть немного запутанным, чтобы маленькие животные растерялись и не знали, что сказать.

Ведь есть же вещи как бы не хорошие и не плохие. Никто не запрещает объедаться кексами и спать целый день. Может, так и написать: не хорошо и не плохо?

Кроме того, в любом законе должны быть исключения.

Например, петь и танцевать рядом со спящим медведем, разумеется, запрещается. Петь и танцевать — само по себе дело хорошее, но ровно в этом случае плохое.

С другой стороны, никто не запрещает угостить усталого барсука стаканчиком сока, даже если ты при этом случайно споткнёшься и немного его обрызгаешь. Это поступок хороший, так делать не возбраняется.

Какой я, однако, умный, подумал Гордон. Его мысли, словно канатоходцы, балансировали высоко на тонкой проволоке. Он поспешил к столу и записал:

Разрешается быть добрым и делать то, что не хорошо и не плохо, до тех пор, пока это делать не запрещается. Запрещается быть злым, кроме тех случаев, когда ты хотел быть добрым или сделал что-то такое, что не хорошо и не плохо.

Комиссар остался очень доволен. Теперь Книга законов стала краткой и понятной. Но всё же в меру запутанной. Маленькие животные рты раскрывают от восхищения!

Гордый собой, он достал печать. Поднёс её к бумаге — в самом низу. Чуть подвинул вправо. Прищурился, желая удостовериться, что ставит ровно. Чуть подвинул влево — идеально. Комиссар прижал штемпель к листку. Ка-данк! Какой ровный и красивый штамп!

Потом он достал секретную банку с кексами, припрятанную в корзине для мусора под большим

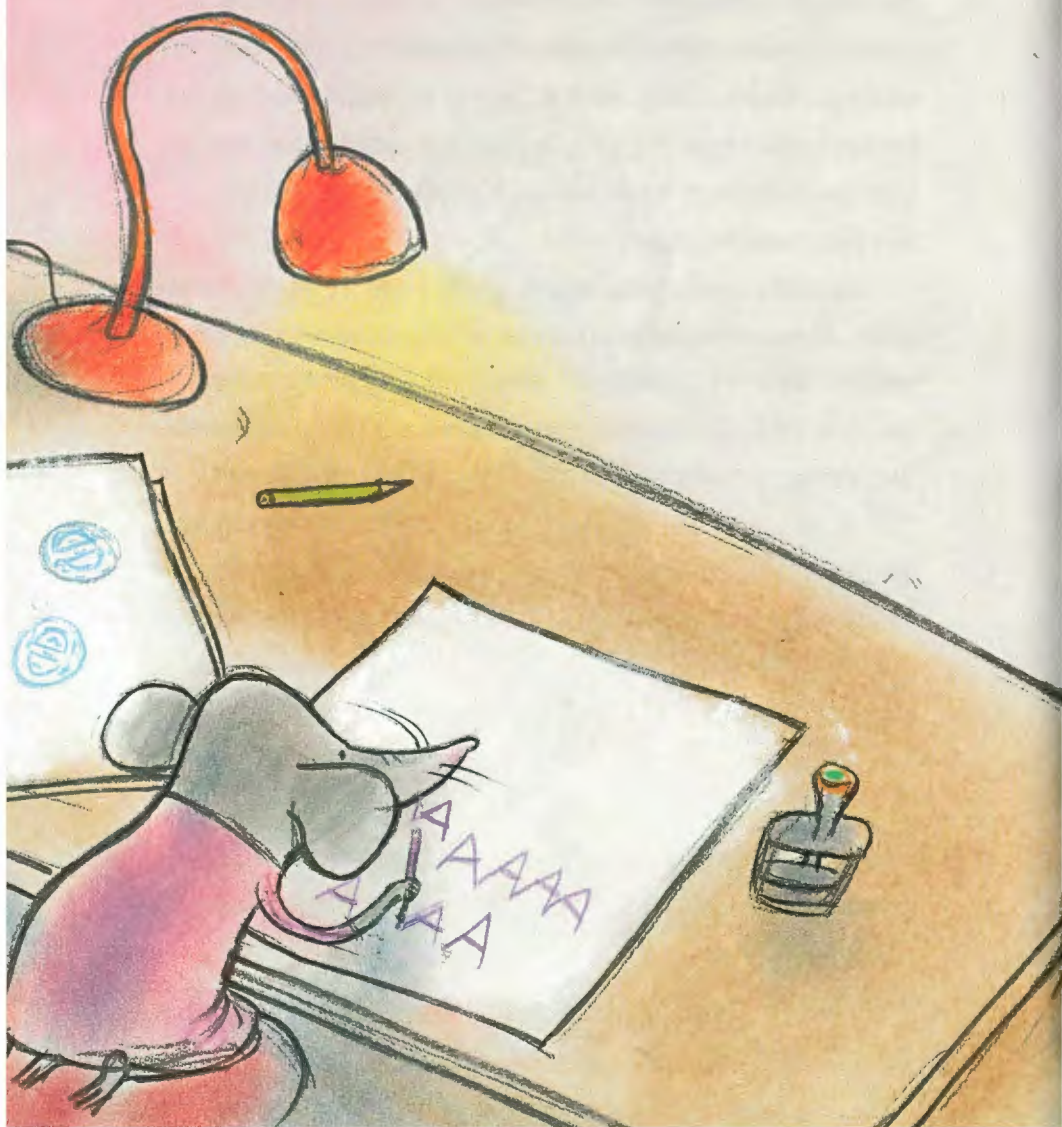
письменным столом. И съел несколько секретных ночных кексов — шоколадных и чёрных как ночь, с тонким ломтиком лимона, похожим на месяц.

Теперь пора готовить сюрприз! Комиссар долго копался в шкафу. Наконец отыскал фуражку для Жаби, которую она сможет носить, когда тоже станет комиссаром. Золотой значок был как раз нужного размера, с короной и двумя деревьями. Гордон почистил его и убрал фуражку в надёжное место. Потом заглянул в тюрьму. Жаби крепко спала.

— Как она обрадуется!

Комиссар Гордон принялся петь и приплясывать. Вполголоса подвывая и тихонько притопывая.

ААААА

Комиссар Гордон лёг в кровать. Он уснул с первыми лучами солнца. Ровно в это же время проснулась Жаби. Было немножко обидно, что они не встретились. Зато получалось, что один полицейский всегда начеку.

Гордону сразу начал сниться сон про детство. Он был пухлым жабёнком в коротких синих штанишках и держал свою маму за руку. Ему было очень весело и хорошо.

Жаби нравилось, когда Гордон ложился спать и она оставалась в отделении одна. Она сразу уселась за стол. Достала печать. Чуть выше. Нет, чуть ниже. Вот так. Нажимаем: ка-данк! И ещё раз, рядом: ка-данк!

Жаби играла, что она — комиссар полиции и к ней пришли посетители. Она сделала такое лицо, будто очень занята.

— Комиссар полиции Жаби, — представилась она. — Как у нас тут дела?

— Я — знаменитый комиссар Жаби! — повторила она, снова напустив на себя важный вид. — Секундочку, я только поставлю печать...

А потом она стала писать. Она написала множество маленьких палаток.

АААААА.

— Ааа! — произнесла она вслух и отдала честь.

Но ей хотелось написать и другие буквы. Она побежала в тюрьму и подёргала Гордона за руку:

— А букв много? А есть ещё буквы?

Наконец Гордон понял, о чём она твердит.

— Тридцать три! — сонно промямлил он.

— Точно, не больше? — обрадовалась Жаби. — Тогда я их быстро выучу. Какие есть ещё?

— «З», — сказал Гордон и зевнул. — Она похожа на змею.

— О нет, какой ужас!

— Потом есть «М», она похожа на горы. И «Р», похожая на топор. Ещё один важный знак в законах

называется «параграф» и похож на крендель. §.

Жаби поспешила к столу. Взяла новую стопку бумаги и стала писать горы. А между горами — маленькие палатки. Потом она написала несколько топоров, чтобы тем, кто живёт в палатках, было чем рубить дрова.

МММАААРРР. Как же весело в походе...

Наконец Жаби собралась с духом и написала извивающуюся змею, которая приползла в палаточный лагерь.

Получился небольшой рассказ, который так весело начинался и так печально заканчивался.

МММАААРРРЗ.

— Эй ты, злобная змея! — громко сказала Жаби. — Я знаменитый комиссар Жаби. Немедленно убирайся из палаточного лагеря!

Потом она написала § и поставила печать. Ка-данк!

Весь день до самого вечера Жаби сидела и писала буквы и ставила штампы.

— Я пишу и штамую целый день! — напевала она себе под нос.

А тем временем комиссару Гордону снился сон. Он шёл вдоль реки с мамой, держа её за руку. Они остановились, и мама устроила ему на берегу пикник с кексами. «Мой миленький Гордонушка, ты самый симпатичный на всём белом свете!» «Тю-тю-тю», — отвечал ей Гордон, потому что был ещё совсем маленький. Мама налила ему сок в стаканчик и дала трубочку, и Гордон тут же принялся пускать пузыри. «Дорогой, мы так не делаем!» — ласково пожурела его мама.

Какой чудный сон...

Но ближе к вечеру кое-что произошло. Панг! Дверь в отделение распахнулась. Комиссар сел в кровати, а Жаби подскочила на стуле.

В отделение влетел камень. Что это было?

Жаби первая подбежала и увидела, что камень обёрнут в бумажку. Жаби развернула её. Но ничего не поняла. Там не было ни гор, ни змей. Она узнала только топор и палатку.

Жаби поспешила отдать бумажку комиссару.

На бумажке было написано ВОРОНА.

— Анонимка! — сонно пробормотал комиссар. — Кто-то хочет выдать нам имя злодея, но сам желает остаться в тени. Кто бы это мог быть?

Жаби взяла бумажку и понюхала её. Пахло шерстью, морковкой и травой.

— Это кролик! — закричала она.

— Bravo! — сказал Гордон.

Коллеги поспешили к двери, комиссар — прямо в пижаме.

— Пистолет не возьмём, да? — уточнила Жаби, задержавшись у стеклянного шкафчика, в котором он был заперт.

— Нет, пистолет мы не берём никогда! — ответил Гордон. — Пистолет — это смертельно опасная штука. Полиция должна только тщательно охранять его...

И скорее за дверь!

Невдалеке они действительно увидели кро-

лика. Он старался выглядеть невинно — насвистывал и смотрел на небо.

— Держи его! — крикнула Жаби.

Комиссару удалось схватить кролика за мягкий хвост.

— Я ничего не скажу! Я боюсь! — пропищал кролик.

Он высвободил свой хвостик и поскакал прочь. Он исчез так быстро, что его в жизни никто бы не догнал.

А Гордон упал и ударился лбом об собственную руку.

Комиссар сел, из глаз его полились слёзы. Он тихо плакал.

Жаби погладила его по лбу.

— Ай-ай-ай, — сказал Гордон.

И они заковыляли обратно в отделение. Гордон опирался на Жаби. Слёзы капали ему под ноги, оставляя мокрую дорожку, которая протянулась до самой его кровати.

Мрау, мрау, вруфф

Комиссар сидел на кровати и плакал. Жаби была удивлена. Вроде он не сильно ушибся. Однако он плакал.

— Шишка очень большая? — спросил Гордон.

Жаби искала, искала.

— Нет, — в конце концов ответила она. — Так, с комариный укус.

— Ай-ай-ай, — опять сказал Гордон. — У нас найдётся широкий пластырь?

Великий герой комиссар Гордон плакал, как маленький ребёнок. Жаби ничего не понимала.

— Хочешь, я подую? — предложила она. — Пфу, пфу, пфу! А потом заешь кексиком...

— Да-а, — жалобно согласился Гордон. — А что у нас сейчас — утро, день или вечер?

Комиссар жадно запихнул в себя четыре кекса. Рот был набит битком!

— Странное письмо, — заметила Жаби. — Я была уверена, что это сорока всех дразнит. Почему кролик написал, что это ворона? Когда я встретила ворону, она была грустная. Как будто её кто-то дразнит. Не понимаю. Ведь так не бывает, чтобы ты кого-то дразнил и одновременно дразнили тебя? Или как, шеф?

Она посмотрела на Гордона, который тем временем достал секретную банку и сунул в рот ещё три кекса.

— Мрау, мрау, вруфф, — ответил он.

Жаби подождала, пока он прожует.

— Я считаю, что одной полицейской группе надо продолжить расследование, — пояснил он.

Потом ему стало немного стыдно. Ну зачем он так плакал? Всё-таки он важный полицейский.

И зачем слопал столько утешительных кексов? Всё это как-то неловко.

Но говорить об этом он не хотел.

— А как мне вести расследование? — спросила Жаби.

— По-другому, — расплывчато ответил комиссар. Он всегда говорил расплывчато, когда сам толком не знал ответа.

Хмм, по-другому, по-другому... Жаби сразу подумала о смешной одежде и странных шляпах. Или, может быть, о странных ушах и смешном носе...

— Завтра я переоденусь, — сказала она. — У меня появился план!

Жаби зевнула. Она целый день выписывала горы, палатки, топоры и змей. Сейчас ей хотелось спать.

— Но тебе-то, наверно, спать ещё не хочется? — спросила она Гордона. — Ты же целый день спал...

— Да ладно, всё равно я уже в пижаме. Чего зря сидеть? Лучше сразу лечь. Если хочешь, я могу почитать тебе перед сном — по-настоящему длинную сказку. Всю Книгу законов!

Устроившись на краю Жабиной кровати, комиссар читал и читал:

— § 489. Запрещается толкать белок в воду.
§ 490. Запрещается отнимать кексы у маленькой мышки...

Слушать было очень интересно. Жаби прямо видела, как из кустов выскакивает злодей, толкает белку в воду и, хохоча, исчезает. Или как другой злодей отнимает кексы у голодной мышки.

Когда-то животные собрались и придумали законы, запрещавшие вытворять подобные глупо-

сти. Да-да, ведь в лесу действительно были такие, которые толкались и таскали кексы. Но теперь баловству положен конец! Полиция строго следит, чтобы никто не совершал нехороших поступков. И Жаби гордилась тем, что она полицейский.

Иногда она указывала на какую-нибудь букву и спрашивала, как она называется.

— Это «ж», — говорил Гордон. — Похоже на жука с лапками.

Или:

— «О». Как о-орех, — рассказывал он.

В тот вечер Жаби выучила столько букв, что в голове у неё шумело.

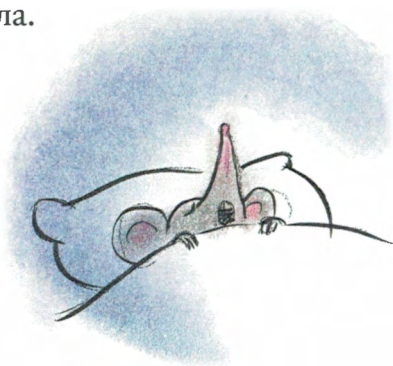
Комиссар закрыл тяжёлую книгу.

— Я должен сказать тебе кое-что важное, — начал он. — Ты так хорошо работаешь — я хочу, чтобы ты тоже была комиссаром...

Но Жаби уже уснула.

Она спала с открытым ртом.

— Маленький комиссар полиции, — сказал Гордон. — Сладких снов!

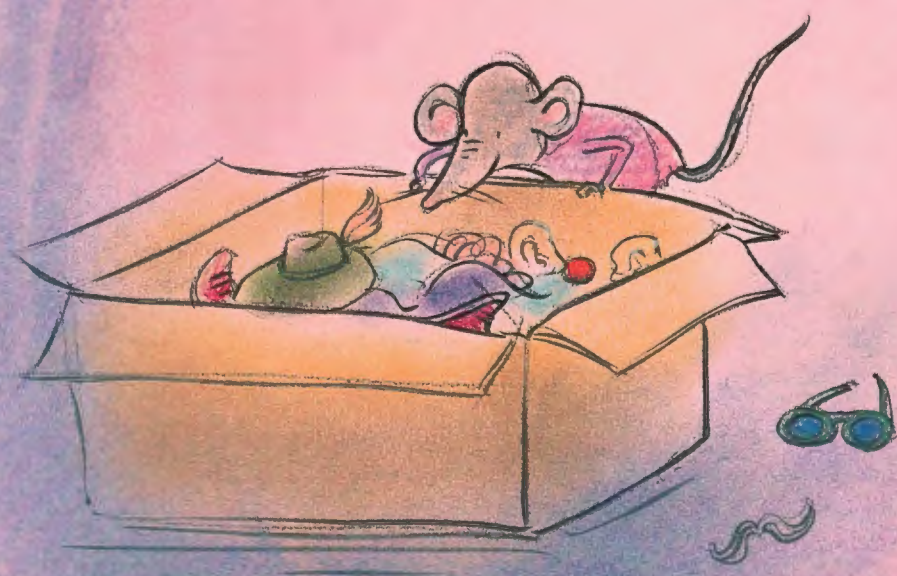
И Жаби действительно снились сладкие сны.

Ей снилось, что она переоделась и отправилась на расследование. Ей снилась Книга законов и особенно § 867: запрещается дразнить мышь-полицейского с большими ушами и красным носом.

Гордон тоже лёг.

Вот бы мне приснился мамин пикник, думал он.

Жаби периодиваица

Жаби встала рано-рано, вытащила из-под кровати сундук и принялась в нём рыться.

Там хранились старинные шпионские наряды и всякая смешная одежда, которую Гордон отобрал у злодеев, или нашёл в заброшенных домах, или купил, чтобы надевать на маскарады и праздники.

Сперва Жаби нашла чёрную шляпу с широкими низкими полями, большие очки, накладные усы, рваную куртку нищего и докторский халат. Нет, всё это не годится.

Под тонкой дымчатой тканью лежала пара огромных ушей и большой красный мышинный нос. А вот это то, что надо.

Жаби села за стол и на бумажке написала:

ЖАБИ ПЕРИОДИВАИЦА.

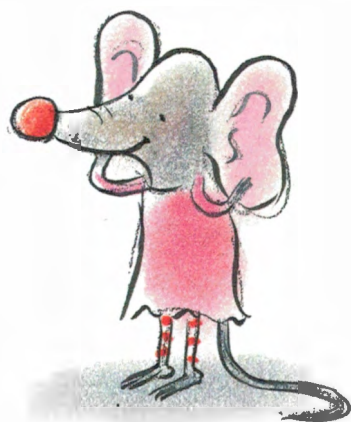
Да-да! Жаби переодевается. Она была так рада, что умеет писать. Она поцеловала листок и нежно погладила буквы. А потом поставила печать. Ка-данк!

План заключался в том, чтобы пойти в лес и выглядеть *странно*. Она наденет огромные уши и красный нос. Вот тут, возможно, и появится дразнильщик. Он станет над ней смеяться, тыкать пальцем и кричать: «Ушастая, ушастая!» А она снимет уши и нос и скажет грозным голосом:

— А-ГАА! Именем закона! Немедленно пройдёте в отделение!

Тогда дразнильщик, возможно, удивится. Или даже заплачет... Но ничего не попишешь, дразниться запрещено. Всех обидчиков надо разоблачить. Пусть учатся быть добрыми. Жаби очень нравилась работа полицейского.

Она надела уши и нос. Посмотрелась в зер-

кало. Её теперь не узнать. Жаби захихикала, но сразу же замолчала. Смеяться над смешными ушами нельзя!

И тут как раз проснулся комиссар.

Он открыл глаза и увидел сквозь проём в двери, что к ним в участок пришёл какой-то необычный забавный зверь.

Да ну его, подумал Гордон. Жаби прекрасно сама разберётся со странным посетителем, решил он. У неё так хорошо получается беседовать с чудаками.

Гордон повернулся на другой бок. Ему очень хотелось спать. И он мигом снова захрапел.

За порогом дома стоял туман. Лес был серый и таинственный. Луг — страшный и призрачный. Жаби дрожала, влага проникала под одежду.

У Жаби замёрзло всё, кроме носа — накладной нос отлично согревал.

Она села на пенёк. Мимо в тумане пролетали птицы, Жаби слышала, как они машут крыльями и сипло кричат. Но ничего не видела. Это было жутко.

Жаби стало страшно. И зачем она пошла одна? Надо было немного подождать, и её надёжный сильный друг пошёл бы с ней. Хотя нет, это исключено! Ведь тогда дразнильщик не посмеет...

Вдруг Жаби услышала загадочные звуки. Вокруг всё шуршало. И стучало. Что это — птица? Или привидение?

Бум-бум-бум, — доносилось до Жаби.

— Эй, кто здесь?

Никто не ответил.

К ней приближались чьи-то громкие шаги. И грозный гул голосов:

Бум-бум-бум, мы идём!

Бум-бум, палки мы несём

В руках. БУМ-БУМ.

Уф, какой ужас. Жаби жалела, что отправилась одна в этот призрачный лес.

— Мама! — пискнула она.

БУМ-БУМ-БУМ!

Ещё ближе. Спасите!

Жаби ничего не могла с собой поделать. Страх вонзил в неё свои когти. Жаби сунула большой палец в рот и начала сосать: чмок-чмок-чмок, сосала она.

БУМ-БУМ-БУМ, гулять идём!

В лесу веселье мы найдём!

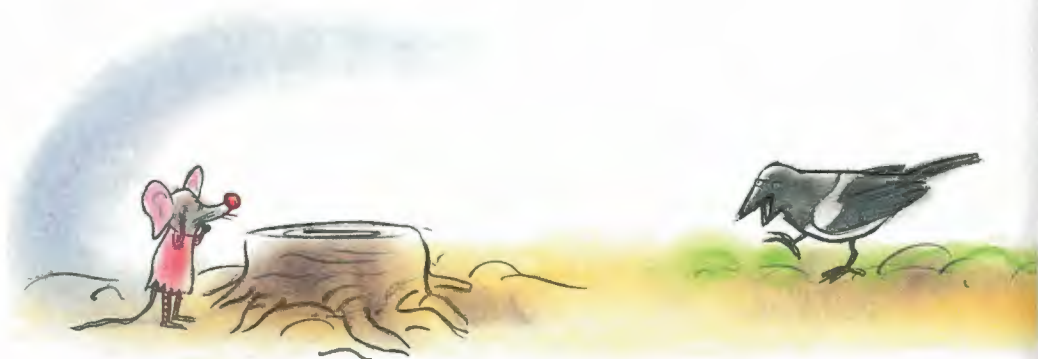
Детский садик. БУМ-БУМ.

Из леса вышла длинная вереница малышей в цветастых жилетах. Мышата, кротята, бельчата. У каждого был рюкзачок с соком и кексами. В руках каждый держал походную палку.

— Привет, мышка! — закричали дети и помахали Жаби.

Последней шла воспитательница-мышь, держа за руку маленького жабёнка. Они остановились. На жабёнке была голубая шапочка.

— Я буду играть в грязи и глине, — радостно пропыхтел он. — Пока?

По-прежнему с пальцем во рту Жаби стояла и смотрела, как дети исчезают в тумане.

Ну надо же, так испугаться загадочного «бум-бум», которое оказалось всего лишь детским садом на прогулке! Да ещё стоять с пальцем во рту! Тоже мне, полицейский.

— Ага! — слышалось в стороне. — Ха-ха.

Перед Жаби на посадку заходила сорока. Её крылья шелестели.

Сорока поцокала клювом. Потом пропрыгала вокруг Жаби, склонила голову набок и прищурилась.

— Кого я вижу! Уж не наш ли это новый поли-

цейский? — с ухмылкой сказала она. — Какой дурацкий костюм. Ха-ха-ха.

— Я веду расследование, — серьёзно сказала Жаби.

— Ха-ха-ха. Ведёт расследование, а испугалась детей и сосёт палец. Тоже мне, полицейский! Не забыть бы потом рассказать другим...

И сорока улетела, презрительно хохоча.

Жаби стало стыдно. Как же всё это глупо. Это надо же так опозориться! У Жаби даже заболел живот.

Поскорее бы вернуться в отделение и спрятаться под одеяло.

Комиссар Гордон и комиссар Жаби

Комиссар лежал в кровати с закрытыми глазами. Но он не спал. Он думал. В кровати ему думалось лучше всего. Особенно с закрытыми глазами.

Что разрешено? Что запрещено? — думал он. Может, ну его, это правило: разрешается быть добрым и делать то, что не хорошо и не плохо, до тех пор, пока это делать не запрещается? Может, сказать Жаби, что не обязательно читать всю Книгу законов? Ведь в глубине души все и так знают, что хорошо, а что плохо. Книга законов написана в сердце каждого. В сердце!

Он закрыл глаза и прислушался к ровным ударам своего сердца. Ка-данк, ка-данк, послышалось ему.

Тут дверь открылась, и по полу, судя по звукам, быстро пробежала мышь. Но, когда Гордон открыл глаза, никого не было.

Он посмотрел на постель Жаби. Никого.

Вернее, нет. Под одеялом лежал маленький комочек. Комочек дышал.

— Жаби?

— Отстань! — слышалось из-под одеяла.

— Жаби?

— Уходи...

Жаби была чем-то огорчена, и Гордону оставалось только одно. Он встал и оделся.

Потом заварил чай, нарвал цветов и достал один особенно крупный орех, припрятанный специально, чтобы утешить какую-нибудь грустную мышь.

Всё это как раз поместилось на подносе. Потом Гордон взял полицейскую фуражку и завернул её в красную бумагу.

— Поздравляю-поздравляю... — запел он и поставил поднос на столик возле постели Жаби.

Жаби выглянула из-под одеяла.

— Но у меня же не день рождения, — сказала она.

— Мы с тобой будем праздновать кое-что другое...

Жаби села и тут же принялась грызть орех.

— Что-то случилось? — спросил Гордон.

Жаби покачала головой.

— Тебя дразнила сорока?

Жаби пожала плечами.

— А что в свёртке? — спросила она. — Это мне?

— Я думал сперва поговорить с тобой о том, почему одни дразнят других. Ты когда-нибудь кого-нибудь дразнила?

— Да нет вроде, — сказала Жаби.

— Ты сказала, что я могу переодеться в древнюю старушку. Я немного огорчился...

— Ой мамочки! Я не нарочно. Я просто не подумала, прости. Я считаю, ты вполне можешь нарядиться пожилым доктором с красивыми усиками.

В сундуке со шпионскими костюмами всё есть...

— Иногда можно сказать что-то нехорошее случайно, не подумав, — объяснил Гордон. — Но иногда нехорошее говорят специально, чтобы расстроить других.

— Надо же, — сказала Жаби.

— Когда я был маленький, я часто дразнил гуся и отпускал шуточки по поводу его длинной шеи. Я говорил, что без шеи было бы намного красивее...

— Но ты же не хотел его обидеть?

Гордон медленно покачал головой:

— Нет, я завидовал, что он умеет и летать, и плавать.

Гордон подумал: полицейские должны уметь заглянуть внутрь себя. Чтобы понять, как всё взаимосвязано.

Жаби схватила красный свёрток и пощупала его. Ей было так любопытно.

— Что это?

Комиссар не слушал.

— Полицейский должен всегда говорить правду! — продолжал он. — Что бы ни случилось!

Жаби прыгнула с кровати и стала ходить взад-вперёд. А потом всхлипнула. Ей было что рассказать.

— Сорока дразнила меня, — призналась она.

Гордон обнял своего маленького помощника.
А помощник на одном дыхании пропищал:

— Я сделала кое-что постыдное и она это увидела и засмеялась и стала дразниться и сказала что всем расскажет а я не хочу чтобы кто-то узнал потому что я хочу быть отважным полицейским...

В конце концов воздух кончился, и ей всё-таки пришлось сделать вдох.

— Бедная Жаби! — пожалел её Гордон.

Он взял блокнот и написал: ПОЧЕМУ
СОРОКА ТАК ДЕЛАЕТ?

— Я так злюсь, так злюсь, так злюсь, — сказала Жаби, подпрыгивая на месте. — ТАК злюсь! Так ЗЛЮСЬ! ТАК ЗЛЮСЬ!!!

— Кажется, я тебя понимаю, — спокойно сказал Гордон. — У меня тоже есть несколько секретов, которые я бы хотел сохранить в тайне.

Жаби успокоилась. Может быть, это когда он слегка стукнулся лбом и расплакался? — подумала она. Но ничего не сказала.

— А теперь можешь открыть свёрток, — сказал Гордон, — потому что ты — настоящий полицейский, который говорит правду!

Дрожащими руками Жаби развернула красную бумагу.

— Это же твоя фуражка, — удивилась она. — Только поменьше!

— Примерь!

Фуражка пришлась Жаби точно впору.

— Но я не понимаю, — сказала она. — Её что, положить в сундук со шпионской одеждой?

— Нет, — сказал Гордон. — Имею честь повысить тебя в звании. Отныне ты — комиссар полиции!

— Я? Я тоже комиссар полиции? Комиссар Жаби?

А потом она засмеялась, запрыгала и затанце-

вала перед зеркалом и отдала честь семью разными способами.

Гордон сел за стол и написал извинительное письмо гусю, которого он дразнил в детстве.

Жаби продолжала танцевать, но вдруг замерла.
— Но почему же сорока дразнится? За что она на меня накинулась?..

— Хмм. Полицейские должны во всём сомневаться. Всё может быть так, как мы думаем. Или наоборот! — расплывчато объяснил Гордон.

Вот что предстояло разузнать комиссару Гордону и комиссару Жаби!

Обидно, обидно!

У комиссаров были такие стильные фуражки. О! Даже чересчур стильные для тайной слежки. Поэтому они положили их на полку. И отправились в путь.

Дождь шёл всю ночь, но сейчас погода была прекрасная.

Они решили последить за сорокой, чтобы точно разузнать, как проходит её день. Может, тогда они поймут, почему она дразнится.

Слежка продолжалась уже довольно долго, когда за кустами можжевельника вдруг послышалось наглое «ха-ха-ха». А потом — тоненький плач. Они поспешили туда. Сорока вредной походкой удалялась. На камне сидел ёжик и плакал. Гордон бросился его утешать.

— Она сказала, что мои дети — колючие и никчёмные, — всхлипывал ёжик. — Что другие дети не хотят с ними играть.

— Это очень гадко, — сказала Жаби. — Ей следует попросить прощения.

Но сорока взлетела в воздух, и полицейские бросились за ней.

Сперва сорока приземлилась у домика, рядом с которым стоял мусорный бак. Она с грохотом опрокинула его и стала рыться в картофельной кожуре и прочем мусоре в поисках съестного.

Но долго наслаждаться ей не пришлось. Из домика выбежал владелец бака барсук. Он стал орать и гнать её. И даже кинул в неё несколько камней.

Сорока села на верхушку дерева и засмеялась, вертя хвостом.

— Хм, — сказал Гордон. — Хорошо нам, нас никто не трогает, и мы можем спокойно жевать свои кексы.

Сорока тем временем полетела дальше.

И полицейские последовали за ней. Жаби стрелой пронеслась по лугу, скок, скок, скок через большие камни, а потом — прыг через реку. Гордон вперевалку протрусил по лугу, шлёп, шлёп, шлёп через большие камни, и — плюх в реку...

Сорока приземлилась на компостной куче. Покопавшись в гнилых яблоках, она набила клюв зелёными извивающимися червяками.

— Хм, — сказала Жаби. — Ванильные кексы и орешки всё же повкуснее.

— Фуф, — догнав её, пропыхтел Гордон.

А сорока уже отправилась дальше. Она нырнула в куст на глинистом пригорке. Из куста доносились нетерпеливые крики. Там сидели три её малолетних ребёнка, лохматых, с короткими взъерошенными хвостами, и ждали завтрака. Они с аппетитом умяли червяков, но не наелись и стали снова кричать. Сорока улетела.

Теперь комиссарам пришлось делиться на две группы. Гордон решил, что он останется

у куста. А прыткая Жаби поспешит за сорокой. Жаби тоже так решила — ведь теперь они оба были шефами полиции и оба могли принимать решения. Жаби отправилась в путь.

Гордон стал медленно карабкаться вверх, чтобы послушать, о чём говорят птенцы. Но пригорок был мокрый и скользкий. Только комиссар добрался до куста, как сразу съехал вниз. Внизу он перекувырнулся и забарахтался в грязи.

Потом он снова полез наверх. Иногда он полз на четвереньках, а иногда на пузе.

Комиссар стал похож на комок глины. Не сказать, что я сильно изменился, — форма-то осталась та же, горестно подумал он. Просто теперь я весь в глине.

Но это было неплохо, потому что в таком виде он мог подкрасться к птенцам совсем близко. Они его не заметили. Комиссар Гордон сидел рядом и слышал каждое слово.

— Есть хочу, есть хочу, — тархтел один детёныш.

— Мне скучно, мне скучно! — скрипел другой.

— Обидно, обидно! — жаловался третий.

Притворившись комком глины, Гордон сидел и грустно хлопал глазами.

Бедные дети! Ни один ребёнок не должен стра-

дать в моём лесу! — думал он. В нашем с Жаби лесу.

А дети продолжали скрипеть и жаловаться. Всё та же печальная песня, снова и снова...

Вдруг, громко хлопая крыльями, прилетела серая птица. Она тяжело пропрыгала в кусты и уставилась на сорочат. Ворона!

— Вот вы где, уродцы! — сипло прокаркала она. — И не думайте, что можете играть с моими птенцами! Держитесь от них подальше!

Сорочата зашипели, как змеи.

Ворона нависла над птенцами, угрожая им своим большим острым клювом.

— Вы омерзительные! Так и передайте своей маме, — прокаркала ворона и улетела.

Сердце тяжело стучало в комиссарской груди.

Слышать такие слова было невыносимо. Бедные дети! Гордон даже прослезился.

А Жаби тем временем преследовала сороку.

Та вернулась на компостную кучу. Отыскав несколько червяков, набила клюв. Жаби наблюдала из-за дерева. И тут опять послышался топот и «БУМ-БУМ-БУМ».

БУМ-БУМ-БУМ, гулять идём!

В лесу веселье мы найдём!

Детский садик. БУМ-БУМ.

Из лесу вышла длинная вереница детей в цветастых жилетах. Мама-сорока оторвалась от компостной кучи. Прыжками приблизилась к воспитательнице, которая теперь шла первая, всё так же держа за руку маленького жабёнка.

— Здравствуйте, не найдётся ли у вас место для моих детей? — спросила сорока.

Когда она открыла клюв, все червяки выпали на землю.

— Им так скучно сидеть дома, они так хотят ходить в садик! Нельзя ли зачислить их в группу? Пожалуйста!

Но мышь-воспитательница повернула обратно в лес, и длинная вереница — за ней.

— Ваши дразги с вороной нам надоели. Мы боимся с вами связываться, — испуганно сказала мышь-воспитательница.

— Но послушайте, дети так хотят ходить в садик! — крикнула мама-сорока.

Ничего себе! — подумала Жаби. Детей сороки не берут в детский сад? Такого в моём лесу быть не должно! В нашем с Гордоном лесу.

Потом Жаби повстречала глиняный комок у реки.

— Это было ужасно, — сказала Жаби.

— Это было жестоко, — сказал глиняный комок. — Всё не так, как мы думали.

Потом Гордон смыл с себя глину, и коллеги медленно побрели домой.

Миллион орехов

Комиссары сидели за столом. Они перекусили и, разобрав подробности дела, дружно закивали.

— Всё ясно, — сказал Гордон.

— Поймали с поличным, — сказала Жаби.

Потом они долго шептались и шушукались о том, как им поступить дальше.

— Миллион? — спросила Жаби. — А так можно?

И они снова стали шушукаться и шептаться.

Гордон достал блокнот и записал:

ВАЖНО: ВСЕ ИМЕЮТ ПРАВО ИГРАТЬ...

— Теперь мы это не забудем, — сказал он.

Наконец они встали и надели свои элегантные форменные фуражки. Захватив печать, они вышли из дома и зашагали к кусту, где проживала сорока. Два стильных полицейских в фуражках, сверкающих золотом!

Там собрались все животные — об этом позаботилась кукушка.

Книга законов тоже была там — об этом позаботились два сильных бобра. И сорока была там. Она казалась слегка напуганной. Чуть в стороне на ветке сидела ворона и сипло каркала.

Собрались все, кроме судьи — старой совы, которая уехала в отпуск.

Хм, отпуск! — мечтательно подумал Гордон.

Значит, вести собрание вместо совы будет он. Гордон сразу перешёл к делу:

— Сорока дразнила других животных. Мы поймали её с поличным, когда она дразнила Жаби...

— Да ладно, — сказала сорока. — Вы что, шуток не понимаете?

— Это не шутки, — возразила Жаби, и уши её покраснели.

Сорока сказала:

— Пусть все знают, что этот маленький полицейский...

— Тихо! — сказал Гордон. — Ты признаёшь, что дразнила не только Жаби?

— Да, но может ли такая трусливая маленькая мышь быть полицейским?

Жаби от злости подпрыгивала на месте.

— Жаби отважная и умеет такое, чего не умеет никто другой, — сказал Гордон. — Иногда ей, как и всем остальным, бывает страшно, но она всё равно делает своё дело. А это самое трудное. Сорока не имеет права ни над кем насмехаться. Это очень серьёзное преступление!

После этого и другие животные стали жаловаться на сороку. Ворона жаловалась больше всех.

Гордон принялся листать Книгу законов.

§ 762. Запрещается дразнить кабана и говорить, что у него скрюченный хвостик.

— Сорока обвиняется в том, что дразнила многих животных. Штраф — миллион орехов...

— Миллион орехов! — ахнула сорока. — Столько орехов нет в лесу. Это слишком много!

— Нет, — сказал Гордон. — Это справедливое наказание! Это ужасно, когда тебя дразнят. И теперь это поймут все!

И Гордон поставил штамп. Ка-данк!

Ворона засмеялась. Все животные закивали. Больше всех закивали белки: потрясаясь, подумали они, увидеть разом столько орехов.

— Сто тачек с орехами, — рассчитала одна белка. — Или тысяча?

Сорока заплакала:

— Я больше так не буду... Вы не представляете, каково пришлось моим милым деткам...

Гордон поднял руку.

— Кроме тебя в лесу есть ещё обидчики, — сказал он. — Ворона!

Ворона сразу перестала смеяться и принялась оправдываться:

— Сорока вечно дразнит меня. Что же мне, молчать?

Нет, подумал Гордон. Нельзя платить той же монетой!

— Но ещё ты дразнила других! — закричали животные.

— Больше всех ты дразнила меня, — сказала сорока. — И кидалась в моих детей кроличьими какашками.

— Делать мне больше нечего, — фыркнула ворона.

— Хм, — сказал Гордон. — Кидаться в детей кроличьими какашками запрещено. Хотя доказать такое преступление невозможно...

Но тут вперёд вышла комиссар Жаби.

— Почему бы и нет, — сказала она. — Я попробую!

Она залезла под куст, где сидели сорочата и грустно моргали. Потом собрала с земли кроличий помёт и вернулась к Гордону.

Понюхав шарики, Жаби доложила:

— Пахнет шерстью, морковкой и травой. Следовательно, это кроличьи какашки...

— Хммф, — смутился кролик. — Я никогда не хожу под этот куст. Должно быть, их туда подбросили!

— Секундочку! Тут пахнет ещё кое-чем. Тут пахнет... — Жаби принюхалась. — Грязью, проливным дождём и прелыми листьями. Следовательно, их подбросила ворона.

По рядам прокатился шёпот. Надо же, какая она умная, эта комиссар Жаби!

— Ну ладно, ладно, — мрачно созналась ворона. — Может, это была и я.

Гордон прокашлялся и приготовил печать, чтобы поставить под обвинением штамп. Поднес её к бумаге. Чуть подвинул вправо. Нет, чуть левее. Вот так.

— Ворона приговаривается к штрафу в миллион орехов!

Ка-данк.

Все закивали. И больше всех — белки. Им уже

не терпелось взглянуть на этот фантастический парад орехов. Ворона всхлипнула.

Гордон сказал:

— Сорока платит миллион вороне. А ворона платит миллион сороке.

Некоторое время было тихо — все вычисляли. Белки представляли себе, как орехи ездят взад-вперёд на тачках. Какое отрадное зрелище!

— Тогда штраф не надо будет платить никому! — сказал жабёнок в голубой шапочке.

— Да, — подтвердил Гордон. — Ты всё правильно подсчитал. Если ты получишь миллион и заплатишь миллион, никаких орехов не останется.

Белки разочарованно зашушукались. Вообще никаких орехов?

— Но самое главное, — продолжил Гордон, — всех детей надо принять в детский сад. Все имеют право играть с другими.

И комиссары изо всех сил надавили на печать.

КА-ДАНК!

Они отдали честь и под крики «ура» пошли домой.

Все имеют право играть с другими

На следующий день комиссары отдыхали в отделе-
лении.

— Хитро ты придумал с этими штрафами, — ска-
зала Жаби.

— Да, надеюсь, теперь все поймут, какое это серъ-
ёзное преступление — дразнить других, — ска-
зал Гордон. — Кстати говоря, я порядком устал.
Может, вздремнём? Или как это называется —
почитаем послеобеденную сказку?

Жаби немного утомилась от бесконечных пре-
ступлений, перечисленных в Книге законов. Запре-
щается пугать тревожного бобра и говорить ему
«бу!». Запрещается прятать горшок от лягушки,
которой хочется писать.

— Я и сама понимаю, что запрещается, — ска-
зала она. — В моём сердце как будто сидит
кто-то и нащёптывает, что правильно, а что нет.

Может, это моя мама, а может, какой-то маленький старичок или гномик...

— Хмм, — сказал Гордон. — Пожалуй, это и правда не сложно.

— Когда что-то сделаешь и потом радуешься, то это разрешено, — продолжила Жаби. — Когда что-то сделаешь и потом огорчаешься, то это, скорее всего, запрещено.

Лёжа на кроватях, они размышляли о том, что сказала Жаби.

— А ты, шеф, когда-нибудь делал что-нибудь такое, из-за чего потом огорчился? — спросила Жаби.

— Хмм, — пробормотал Гордон. — Что уж тут скрывать, со мной не раз такое случалось. Например, когда я хотел схватить кролика. Или когда я прогнал лиса из нашего леса — говорил ли я тебе, как всё было *на самом деле*?

И Гордон начал рассказывать о том, как лис лежал под кустом, а из пасти у него торчало перо.

Гордон важно кашлял, пока лис не проснулся. А потом строго-настрого велел ему убираться из леса! Здесь нельзя никого есть!

Гордон бесстрашно смотрел на злодея.

— Ха-ха! — ответил на это лис. — И как же ты, коротышка, заставишь меня уйти?

— Заставлю, потому что я — комиссар полиции, — отважно сказал Гордон и надулся так, что стал похож на пушечное ядро.

Он готов был пойти на всё ради своего леса. Вот сколько отваги было в груди маленькой жабы. — А если ты не согласен, то тебе придётся меня съесть, — сказал Гордон.

Лис поглядел на него. Сверху вниз. На его маленькую головку с большим ртом. На круглые выпученные глаза. На раздутое, покрытое бородавками тело. На мокрые ноги.

Глаза лиса долго изучали его.

— Бе-е! — в конце концов сказал лис. — Ни за что в жизни не стану есть такую гадость!

И он покинул их лес и никогда больше не возвращался.

Другие животные восхищались отвагой и силой комиссара. Но комиссар загрустил. Гадость? Он никогда никому не рассказывал о том, что сказал ему лис. До сегодняшнего дня.

Жаби смотрела в потолок. Она вздохнула.

— Я так испугалась, когда стояла в тумане и слышала загадочное БУМ-БУМ-БУМ, — рассказала она. — Я сунула палец в рот и стала его сосать. Не знаю почему. А оказалось, это всего лишь детский сад на прогулке...

Так они лежали и вздыхали.

— Мы очень отважные полицейские, — сказал Гордон. — Хотя в то же время мы — самые обычные животные. Напуганные. Уставшие. Или голодные.

Гордон встал. Ему вдруг захотелось съесть по-настоящему большой секретный ночной кекс. Хотя до вечера было ещё далеко.

Они заварили чай и достали тёмные шоколадные кексы со смородиновым джемом.

— Больших не осталось, — сказал Гордон и съел четыре маленьких.

За окном слышалось: БУМ-БУМ-БУМ. Это проходил мимо детский сад. Детей в группе прибавилось. Три новых сорочонка и два воронёнка. Все шли с рюкзачками. И все весело распевали.

— Все имеют право играть с другими, — пробормотал Гордон. — Возможно, это самое главное! Какой достойный параграф!

Он разыскал листочек с этим законом и положил его в ящик для важных записей.

Потом встал, взял штемпель и немного его подправил. А после сложил в сумку несколько кексов, одежду, книжку и зубную щётку.

— Кажется, мне необходим отпуск, — сказал он. — Комиссар Жаби, могу я отправиться в длительный отпуск?

— А я останусь одна? — спросила Жаби. — Так можно?

— Да! Ведь ты — лучшая мышь-полицейский в мире!

Гордон положил в сумку шляпу и солнечные очки.

— Я сниму маленький домик с большой кроватью, — сказал он. — И заведу одну-единственную банку для кексов. Потому что мне будет всё равно, день сейчас или ночь. Ведь я в отпуске!

Хм, возможно, после отпуска я уйду на пенсию, подумал он. Ладно, потом решу, сперва хорошенько выплюсь... Четырнадцать дней и ночей без просыпу!

Жаби проводила его до дверей.

— А вдруг я с чем-то не справлюсь?

— Тогда свистни, и я сразу приду! Вот так: фьють-фьють-фьють.

Гордон немного подумал. А если она не свистнет, я просто загляну и спрошу, не нужна ли ей помощь...

В лесу было на редкость весело. В ветках сосен прыгали и играли бельчата. Радостно пели дрозды.

Гордон шагал вперёд с сумкой в руке. Дойдя до лесной опушки, он обернулся.

— И никогда не бери с собой пистолет! — крикнул он. — Следи, чтобы никто до него не добрался.

Жаби махнула ему рукой.

А потом надела фуражку и села за стол.

Маленькая мышь за большим письменным столом. Какая я молодец, подумала она.

ЖАБИ ШЕФ, написала она на листке бумаги. Теперь она умела писать своё имя.

Жаби поставила печать. Посмотрев на бумагу, она увидела, что Гордон подправил штамп, так что теперь на нём было написано: *Комиссар Жаби*.

Жаби переполняли гордость и благодарность.

Она засмеялась. И на бумагу упала крошечная слезинка.

The cost of this translation was defrayed by the subsidy
from Swedish Arts Council, gratefully acknowledged.

Благодарим Шведский совет по культуре
за субсидию на перевод этой книги.

УДК 821.113.6(02.053.2)
ББК 84(4Шве)6-44
Н66

Нильсон, Ульф.

Н66 Комиссар Гордон. Последнее дело? : [для дошкольного и младшего школьного
возраста] / Ульф Нильсон ; ил. Гитты Спее ; пер. со шв. Марии Люджковской. —
М. : Самокат, 2020. — 112 с. — (Комиссар Гордон). — ISBN 978-5-91759-788-1.

Kommissarie Gordon. Det sista fallet?

Text © Ulf Nilsson, 2015

Illustration: © Gitte Spee, 2015

First published by Bonnier Carlsen Förlag, Stockholm, Sweden

Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Stockholm,
Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden.

© Люджковская М., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

Для дошкольного и младшего школьного возраста
В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком

Иллюстрации Гитты Спее
Леттеринг Юлии Сидневой
Верстка Валерия Харламова
Литературный редактор Светлана Жура
Корректор Надежда Власенко
Ведущий редактор Ольга Патрушева
Главный редактор Ирина Балахонова

ООО «Издательский дом «Самокат»
119017, Россия, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 18, стр. 1
+7 (925) 506-17-38
info@samokatbook.ru, www.samokatbook.ru

Подписано в печать 04.10.2019.
Формат издания 60×90/16. Усл.-печ. л. 7,0. Доп. тираж 4000 экз.
Заказ № 7641/19.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Россия, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
www.pareto-print.ru

В лесу происходит что-то нехорошее. Кто-то говорит всем зверям ужасно обидные слова. Но кто этот злоумышленник? И почему он так себя ведёт? Это предстоит расследовать мудрому и опытному комиссару Гордону и его юной помощнице Жаби. Дело оказывается не таким уж и простым. Где написано, что дразниться — это плохо? Как вообще понять, что можно, а что нельзя?

Тёплая и полная доброго юмора повесть одного из выдающихся шведских детских авторов Ульфа Нильсона с иллюстрациями голландской художницы Гитты Спел — продолжение истории о комиссаре Гордоне и его помощнице Жаби, которая началась в книге «Комиссар Гордон. Первое дело».

«Смешная и милая история, рассказанная Ульфом Нильсоном, вроде бы адресована младшим читателям — дошкольникам и первоклассникам. Однако скромное обаяние сыщицкой действительности легко завоевует и взрослое сердце».

БиблиоГид

Продолжение историй про комиссара Гордона и его помощницу Жаби в следующих книгах: «Ещё одно дельце» и «Дело для Жаби».

ISBN 978-5-91759-788-1

9 785917 597881 >

ЕАС

4+